

У А. Д. Вяльцевой.

Петербург. 28 III 1903г.
«Audiatur et altera pars»...

Вотъ ужъ цѣлая недѣля, какъ газеты не перестаютъ писать о Вяльцевой, по поводу ея участія въ оперѣ «Демонъ».

Является наконецъ естественный вопросъ: отчего-же молчитъ Вяльцева?

Признаетъ-ли она себя виновной, или нѣтъ, и что можетъ сказать въ свое оправданіе?

— Что-же вы скажете въ свою защиту? перосили мы популярную пѣвицу.

— То, что обвиненіе направлено не по тому адресу, по которому слѣдуетъ. Обвинять нужно не меня, а тотъ театръ, который предложилъ мнѣ пѣть Демона. Вѣдь суть въ томъ, что это вовсе не моя инициатива выступить въ мужской роли Демона, а инициатива дирекціи театра Солодовникова въ Москвѣ, той самой, которая возбудила о себѣ разговоры оригинальной постановкой «Жизни за Царя» и другихъ оперъ. Представитель этого театра, явившись ко мнѣ, объяснялъ мнѣ, что они имѣютъ намѣреніе поставить «Демона» совершенно «по новому», такъ сказать, на «станиславскій манеръ», и что главная повинна должна заключаться въ томъ, что Демона постъ не мужчина, а женщина. При этомъ мнѣ развивали взгляды, что «демонъ» есть существо отвлеченное и что, поэтому, есть такое же основаніе представлять его въ образѣ женщины, какъ и въ образѣ мужчины, что коль скоро «ангела» изображаютъ женщины, то почему не быть женщиной и «демону», ибо разница между тѣмъ и другимъ лишь въ томъ, что одинъ является «гениемъ добра», другой-же— «гениемъ зла» и т. д. Далѣе мнѣ указывалось, что женщина даже скорѣе подходитъ къ олицетворенію «вольнаго сына эфира, нежели мужчина (въ особенности наши баритоны, съ большими животами), что голосъ мой какъ нельзя болѣе подходитъ къ этой партіи и т. д. Должна сознаться, что меня, какъ артистку, все это очень заинтересовало, а главное, мнѣ до извѣстной степени было приятно, что я являюсь участницей новой оригинальной постановки...

— Но вѣдь партія-то все-таки написана для мужского голоса, а не для женскаго.

— Это не имѣетъ значенія. Я пою ее на «октаву» выше, и въ этомъ вся разница. Если же говорить о несоотвѣтствіи партій со сценическими типами, то существуетъ масса примѣровъ въ этомъ родѣ: возьмите Ваню въ «Жизни за Царя», или Ратмира въ «Русланъ». Мнѣ особенно больно, что меня обвиняютъ въ какихъ-то корыстныхъ побужденіяхъ, въ желаніи «нашумѣть» и т. д.

На первое обвиненіе я отвѣчу, что я не только не извлеку какой-нибудь матеріальной пользы отъ этого спектакля, а потерю на немъ, по крайней мѣрѣ, 30.000 рублей, ибо подготовка оперы заставляеть меня, вмѣсто обычныхъ четырехъ концертовъ въ году, ограничиться только двумя.

Страницѣ всего въ нападкахъ на меня это указаніе на то, что я, бывшая кафешиантная пѣвица, дерзаю стремиться въ оперу. Во первыхъ, я была всегда опереточной, а не кафешиантной пѣвицей, во-вторыхъ, развѣ для того, чтобы пѣть въ оперѣ, нуженъ непременно консерваторскій дипломъ? Я могу назвать массу артистовъ, которые попали въ оперу изъ оперетки и даже изъ кафешиантава. Во-первыхъ — Кавалери, начавшая свою карьеру въ кафешиантѣ «Акваріума». Далѣе, баритонъ Максаковъ, тенора А. М. Давыдовъ и Клементьевъ. Максаковъ подвизался первоначаломъ на открытой сценѣ «Аркадіи», въ «еврейскомъ квартетѣ», а Давыдовъ и Клементьевъ служили въ опереточныхъ театрахъ. Я сейчасъ не могу припомнить, но можно привести еще массу аналогичныхъ примѣровъ.

— Какое-же, все-таки, ваше рѣшеніе? Вы не передумали пѣть Демона?

— Я въ ожиданіи отвѣта, который, по моему, должна дать московская оперная дирекція въ оправданіе задуманнаго ею спектакля. Такъ какъ идея устройства этого спектакля, какъ я вамъ уже сказала, принадлежитъ не мнѣ, а этой дирекціи, то, по моему, она обязательно должна дать какое-нибудь объясненіе, въ защиту по крайней мѣрѣ меня, которая здѣсь совершенно не повинна. Въ зависимости отъ этого отвѣта и послѣдуетъ мое рѣшеніе— отказаться отъ спектакля или нѣтъ.